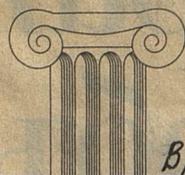

колонка Аллы Латыниной

«Я хочу жить свою легенду»

Время ММ. — 2003. — 12 февр. — с. 11.

Я не была знакома с Натальей Медведевой. Видела однажды на какой-то тусовке. Ее нельзя было не заметить: и не только из-за баскетбольного роста. Густо загримированное, как для сцены, лицо, громкий хриплый голос, какой-то совершенно невообразимый наряд, который можно было бы назвать ужасающе вульгарным, если бы он не преследовал очевидной цели: шокировать, поразить и, стало быть, требовал эпитета из иного словесного ряда — например, слова «эпатирующий» или «эксцентричный». Записи ее песен я слышала раньше — те, что она пела в парижском «Распутине» и разных там ночных клубах. Ни репертуар, ни исполнение не поражали — ресторанный певица с хриловатым голосом. (Позже она создаст группу «Трибунал» и запишет совсем другие песни — не берусь о них судить.) Проза ее (к тому времени вышел роман «Мама, я жулика люблю» и, кажется, «Отель «Калифорния» и «Любовь с алкоголем») мне не нравилась. Но что-то в этой высоченной раскрашенной женщине, слегка покачивающейся на немислимых каблучках, завораживало.

У Пильняка есть «Рассказ о том, как создаются рассказы». Японский офицер во время оккупации Владивостока в 1920 году влюбляется в русскую девушку Сою и женится на ней (за что приходится заплатить увольнением из армии и двухлетней ссылкой — правда, в родовое имение). Через три года уединение супругов нарушает множество людей. Русская женщина узнает, что ее муж написал знаменитый роман. А через некоторое время выясняет, что роман — о ней. «И неважно, что в романе было клинически описано, как содрогалась она в страсти и расстройстве живота, — страшное — ее страшное — начиналось за этим. Она узнала, что все, вся ее жизнь была материалом для наблюдений. Муж шпионил за нею в каждую минуту жизни — с этого начиналось ее страшное, это было жестоким предательством всего, что было у нее».

Что делает героиня Пильняка? Оставляет знаменитого мужа и возвращается в голодный Владивосток. Что делают лимоновские жены, узнав, что самые интимные минуты их жизни описаны «в клинических подробностях»? Возмущаются предательством? Нет — начинают соревноваться с Лимоновым в беспощадной откровенности.

Елена Шапова, героиня романа «Это я, Эдичка», пишет роман «Это я, Елена». Говорить о нем бессмысленно — это лишь факт биографии Лимонова. Наталья Медведева — иное дело.

Наталье Медведевой
все-таки удалось
«прожить свою легенду».

«Наташа, конечно, многого от меня нахваталась. Она впоследствии утверждала, что написала первые книги, чтобы понравиться мне и доказать, что она не «жидкая манная каша»; заковыченное — мое презрительное выражение. Можно восхититься ее настырностью», — замечает Лимонов в «Книге воды», написанной уже в Лефортовской тюрьме. Там же, оправдываясь в жестокости, с которой он сбросил с пьедестала героиню «Эдички», обнаружив спустя 20 лет, что она превратилась в толстую одутловатую безвкусную женщину, Лимонов замечает: «Моя следующая жена хотя бы живет с музыкантом-наркоманом и, может, однажды передозировается». Я вспомнила эту фразу, когда в сообщениях о смерти Натальи Медведевой появились осторожные намеки на передозировку.

Спустя несколько дней я раскрыла роман «А у них была страсть», вышедший в свое время в «Вагриусе» и так и не дочитанный мною до конца.

Место действия — Париж. Время — разгар перестройки. Железный занавес приподнялся, русский эмигрантский Париж встречается с москвичами и ленинградцами, наводнившими французскую столицу, но не собирающимися пускать здесь корни. Любимый треугольник на фоне времени. Участники — Женщина, Писатель, Критик. Критик — ленинградский интеллектуал, высокий, молодой, красивый, владеющий чуть не всеми европейскими языками, набитый знаниями, как компьютер. Его лекции (для которых он и приехал в Париж) имеют огромный успех.

Писатель в Париже временно отсутствует, но в мыслях Женщины присутствует постоянно. Женщина — певица, писательница — героиня романа, субъект повествования, хотя оно и ведется от третьего лица. «Она шла и думала, что у нее уже были периоды анаши — гашиша — марихуаны — кокаина и ежедневного алкоголя и своя сексуальная революция с кучей любовников. Потом она начала писать стихи. Потом стала жить с Писателем, и тогда тоже были — алкоголь и гашиш. А потом она сама стала писателем, и алкоголь сделался врагом. И гашиша почти не было. Потому что начался марафон».

Сейчас же у Женщины роман с Критиком, они вместе курят травку, пьют, шатаются по Парижу и без конца занимаются любовью. «Женщина всегда оказывалась на Критике. И в этом была какая-то символичность. Она никогда не была на Писателе. Потому что он тогда бы себя чувствовал беспомощным, а этого никак не могло быть, он не хотел быть беспомощным, ни за что».

Сам роман Женщины с Критиком больше похож на бунт против Писателя. Недаром все, что бы она ни делала, Женщина оценивает его глазами. «Обед закончился, и все сидели на подушках и на полу. И Женщина сидела на полу, позади Критика и закидывала на него ноги, задирала ноги высоко. Если бы Писатель это видел, ему было бы гадко, он бы сказал, что она пьяная и мерзкая».

Замечателен эпизод, когда Женщина соглашается петь на вечере встречи Писателя со своими читателями и, едва увидев его, окруженного поклонниками и поклонницами, чувствует прилив ненависти к мужу, к издателю, принесшему стопки ее никому не нужных здесь книг, ко всему миру и, дав выход этой ненависти, ведет себя как клоун: кричит, ругается, скандалит, пьет водку, обзывает писателя «педерастом» («Пэдэ» — она орала! — чтобы поняли французы, чтобы побольше унижить писателя). Кончается же все дракой Писателя и Женщины на улице. «А французы разбежались. Дураки, нет чтобы посмотреть, запомнить — вот она русская душа!»

В «Анатомии героя», в книге «В плену у мертвецов» Лимонов беспощаден к Наталье Медведевой. Она же — беспощадна к себе.

«Я хочу жить свою легенду! Я ох...ла уже от тебя и твоих книг легендарных», — орет героиня романа «А у них была страсть».

Ей бы в пору быть героиней Достоевского, а она всего лишь персонаж книг Лимонова. Впрочем, теперь уже и персонаж времени. Ей все-таки удалось «прожить свою легенду». И эта легенда теперь будет работать на ее книги, которые, видимо, придется прочесть заново.